

—

Судя по тому, как Шэнь Хуайчжи входил в дом, спальня располагалась по левую руку от входа во двор. Деревянные двери были двустворчатыми, а по бокам находилось по окну. Кровать, на которой сейчас сидел Линь Юэ, стояла справа от входа у стены. В изголовье примостилась тумбочка, а чуть дальше — туалетный столик, который по виду казался совсем новым. В изножье кровати стоял платяной шкаф.

У противоположной стены тянулся ряд больших сундуков — бог весть, что в них лежало. У окна стоял письменный стол, на котором ровными стопками были сложены книги; должно быть, именно здесь Шэнь Хуайчжи обычно учился. Свободное место было заставлено его приданым и частью свадебных даров, присланных семьей Шэнь. Осмотрев убранство комнаты, Линь Юэ даже немного растерялся: всё необходимое было в наличии. Неужели слова о скромном достатке были лишь проявлением скромности?

Только подняв голову и увидев крышу, где черепица перемежалась с соломой, Линь Юэ осознал: дела и впрямь обстоят не лучшим образом. Причем черепица, судя по всему, была уложена в строго определенных местах — как раз над кроватью и письменным столом.

В целом всё оказалось гораздо лучше, чем ожидал Линь Юэ, вот только он не знал, как всё выглядит снаружи. Пока он витал в своих мыслях, в дверь постучали:

— Фулан брата, я Шэнь Линчжи, можно мне войти?

Линь Юэ опустил взгляд, проверяя себя: сидит ровно, подол свадебного наряда лежит как надо. Он откашлялся и мягко отозвался:

— Можно, входи.

Линь Юэ посмотрел на вошедшего Шэнь Линчжи: тот был чуть ниже его ростом, с детской припухлостью на лице. Кожа у него была светло-бронзового цвета, щеки румяные — он так и лучился жизненной силой, словно молодое деревце. Улыбка на его губах сразу располагала к себе.

Заметив, что юноша немного стесняется, Линь Юэ заговорил первым:

— Почему ты зашел? Что-то случилось?

Шэнь Линчжи во все глаза смотрел на Линь Юэ, думая про себя: «Какой же у него приятный голос, и сам он такой красавец, моему брату очень повезло! Ой, а что он сейчас сказал? Заслушался голосом и всё пропустил!»

— Фулан брата, мой брат сейчас занят приемом гостей снаружи, он побоялся, что тебе будет скучно, и попросил меня составить тебе компанию.

Линь Юэ немного удивился: не верилось, что этот Шэнь Хуайчжи может быть таким внимательным. Он поманил юношу рукой:

— Тогда иди сюда, присаживайся, чего стоять.

Шэнь Линчжи поспешно затряс головой:

— Нет-нет, фулан брата, я лучше на табурете посижу. — С этими словами он подбежал к столу, подхватил табурет и уселся наискосок от Линь Юэ.

Линь Юэ не стал заставлять его подходить ближе, лишь заметил:

— Можешь называть меня просто «брат», а то «фулан брата» звучит как-то слишком официально.

Это было одним из обычаев окрестных деревень: вышедших замуж геров обычно называли «фулан такого-то», сверстники говорили «фулан старшего брата» (гэфу) или «фулан младшего брата» (дифу), но чаще всего обращались просто «брат» или «младший брат». Старшие же добавляли приставку «маленький» перед обращением к дядям, чтобы не было путаницы.

Шэнь Линчжи снова закивал:

— Тогда я буду называть тебя братом! Брат!

Линь Юэ рассмешила его непосредственностью, и он ответил тем же: «Младший брат». Сказав это, он почувствовал себя странно: кажется, он еще никогда никого так не называл. Дома он звал Линь Яна просто по имени и никогда так официально не величал его младшим братом.

В тот миг, когда эта мысль промелькнула в голове, Линь Юэ внезапно заскучал по Линь Яну. Хотя новый младший брат был очень милым, Линь Ян всё равно оставался особенным.

Тряхнув головой, чтобы прогнать образ глупо улыбающегося Линь Яна, Линь Юэ спросил:

— Расскажешь мне о своей семье?

— Конечно!

Шэнь Линчжи выпалил ответ не раздумывая, и только после этого начал подбирать слова:

— Брат, в нашей семье всего пять человек: отец, матушка, ты, мой старший брат и я. Наш дом стоит в глубине деревни Линьшуй, прямо за воротами течет речушка, а неподалеку горы. Еще есть бабушка с дедушкой, но они живут с семьей старшего дяди, и мы нечасто общаемся.

Линь Юэ слегка приподнял бровь. Судя по всему, отношения там были натянутые, оставалось только гадать, что же произошло в прошлом.

Шэнь Линчжи закончил представлять родных и вкратце упомянул несколько семей в деревне, с которыми они поддерживали тесную связь, а также объяснил, как лучше ориентироваться на местности. Он говорил долго, перескакивая с одного на другое, пока не умолк.

Услышав, что снаружи внезапно стало шумно, Шэнь Линчжи поспешно спросил:

— Брат, старший брат просил узнать: ты хочешь поужинать один, или мне прийти к тебе? А может, позвать еще братьев и сестер, чтобы не было скучно?

Линь Юэ на мгновение задумался и ответил:

— Если это удобно, приходите все. Мне и впрямь будет скучно есть одному, а так заодно со всеми познакомлюсь.

Глаза Шэнь Линчжи радостно заблестели:

— Они и так порывались войти, я их еле сдерживал! Если узнают, что ты разрешил, точно обрадуются. Я сейчас же им скажу, подожди меня, я мигом!

Линь Юэ невольно улыбнулся и махнул рукой:

— Иди-иди.

Шэнь Линчжи вскочил, первым делом пододвинул стол поближе к кровати, притащил из угла длинную скамью и только после этого быстро вышел из комнаты.

Не прошло и одного кэ (~ 15 минут), как Шэнь Линчжи вернулся, ведя за собой пять-шесть молодых геров и девушек. Идущий впереди постучал, двое следом несли подносы с едой, а замыкающие держали чашки, палочки и рис. Снаружи доносились шутливые голоса женщин:

— Лин-гер, тебе что, целого дня с новым фуланом брата не хватило?

— Лин-гер, ну как, фулан твоего брата красавец?

Шэнь Линчжи, окончательно растерявшись от расспросов, лишь беспорядочно закивал и стал торопить всех в комнату. Как только последний человек переступил порог, он с грохотом захлопнул дверь.

Линь Юэ даже не успел спросить, нужна ли помощь, как Шэнь Линчжи с друзьями уже ловко расставили блюда, наложили рис и — вжух! — миска уже стояла перед ним.

Линь Юэ поднял на них глаза: некоторые стеснялись смотреть прямо, другие подглядывали украдкой, но тут же опускали голову, встретившись с ним взглядом. У Линь Юэ возникло странное чувство, будто он здесь самый старший, и голос его сам собой стал в несколько раз мягче обычного.

Время было еще раннее, к тому же утром он плотно поел, так что аппетита особо не было. Линь Юэ съел лишь несколько палочек и отложил их. Видя, что гости ведут себя скованно, он начал неспешно задавать вопросы, и вскоре атмосфера стала более непринужденной.

После ужина, уже уходя, ребята договорились с Линь Юэ, что через несколько дней обязательно зайдут к нему поиграть.

В комнате снова воцарилась тишина. Дверь выходила прямо во двор и почти не задерживала звуки: до него долетали громкие выкрики и смех. Линь Юэ с интересом прислушивался к этой суете, то и дело узнавая голоса родителей Шэнь — Шэнь Чжэнчу и Сун Сюньчунь, которые провожали гостей.

В комнате постепенно темнело, а шум снаружи стихал — должно быть, пир подходил к концу. Линь Юэ внезапно охватило волнение: он не знал, когда именно войдет Шэнь Хуайчжи...

Он уже приготовился ждать до темноты. На пирах мужчины обычно пьют много и едят неспешно. Линь Юэ помнил, как помогал матери на деревенских праздниках: большинство гостей уже расходилось, посуда была перемыта, а некоторые всё сидели и сидели. Из-за них помощники возвращались домой в глухую полночь, что ему очень не нравилось.

Интересно, пьет ли Шэнь Хуайчжи? Если совсем немного — не беда, Линь Юэ и сам мог пригубить с отцом на праздник. Но пьянство — это и запах скверный, и для здоровья худо. Линь Юэ уже начал было размышлять, что делать, если Шэнь Хуайчжи окажется горьким

пьяницей, как вдруг резкий стук в дверь заставил его вздрогнуть.

— Это Шэнь Хуайчжи. Можно войти?

Линь Юэ подумал: «И впрямь, нельзя говорить за спиной». Стоило только подумать, как он чуть не попался.

— Можно, входи.

Дверь отворилась, но самого вошедшего сначала не было видно — показались лишь два больших кувшина, от которых валил пар. Следом в комнату внесли деревянную бадью, полную воды, и только потом появился сам Шэнь Хуайчжи.

Он не стал сразу подходить. Поставил кувшины в углу у шкафа, аккуратно повесил полотенце на край бадьи, положил рядом чистое нижнее белье и лишь тогда медленным шагом направился к Линь Юэ.

По мере того как Шэнь Хуайчжи приближался, дыхание Линь Юэ становилось всё чаще. Ресницы его мелко подрагивали, а взгляд был прикован к круглому вееру в руках. Со стороны он казался предельно напряженным, хотя на самом деле волновался лишь наполовину — остальная часть его сознания успевала иронизировать над собой: «Мы ведь не первый раз видимся, чего я так разнервничался? Ждать, пока он заговорит? А если я начну первым, не будет ли это странно? А вдруг он вообще промолчит? Да нет, не может быть...»

За эти несколько мгновений в голове Линь Юэ пронеслась добрая сотня мыслей.

Волнение же Шэнь Хуайчжи было куда более ощутимым. Подойдя почти вплотную, он начал идти «иноходью» — рука и нога с одной стороны двигались одновременно. Заметив, что Линь Юэ на него не смотрит, он облегченно выдохнул: ему очень не хотелось ударить в грязь лицом перед суженым.

Остановившись на расстоянии вытянутой руки, Шэнь Хуайчжи заговорил:

— Долго сидеть неудобно. Снаружи еще не со всем закончили. Я принес горячей воды, умойся и приведи себя в порядок. Если устал — ложись отдыхать.

У Линь Юэ возникло чувство: «Так и знал». Перед ним был истинный благородный муж, о которых поют в пьесах. Пусть внешность его и не была утонченно-воздушной, но манеры — в точности как у книжных героев. Определенно, хороший человек! На этот раз глаза его не обманули.

Линь Юэ расслабился и чуть приподнял голову, разглядывая мужчину сквозь веер. Не успел он подметить детали, как Шэнь Хуайчжи уже развернулся, собираясь уходить.

Глаза Линь Юэ округлились, и он выпалил:

— Ты что, не заберешь мой веер?

И впрямь: хотя геры при вступлении в брак не покрывали голову вуалью, существовал обряд, подобный её снятию. Нужно было принять из рук суженого веер, и только после этого следовало испытие свадебного вина и брачная ночь.

Шэнь Хуайчжи тут же наглядно продемонстрировал Линь Юэ, что такое настоящая суматоха.

Он с почтительным трепетом принял веер обеими руками и тут же размахисто зашагал к выходу. Только взявшись за ручку двери, он осознал, что веер всё еще у него в руках. Шэнь Хуайчжи метнулся обратно, сунул веер в шкаф (даже не прикрыв дверцу до конца) и пулей вылетел из комнаты.

Линь Юэ изо всех сил сжимал губы, сдерживая смех. Стоило двери за Шэнь Хуайчжи закрыться, как он всё же прыснул. Он и не подозревал, что этот короткий смешок заставил Шэнь Хуайчжи там, снаружи, споткнуться на ровном месте.

Похоже, волнение — штука заразная, и раз уж Шэнь Хуайчжи так разнервничался, Линь Юэ, напротив, окончательно успокоился. Аккуратно сложив верхнюю одежду, он неспешно отправился совершать омовение.

Бадья тоже выглядела совсем новой, того же цвета, что и туалетный столик. Линь Юэ почувствовал, что о нем по-настоящему позаботились, и настроение его стало еще лучше.

Хотя за весь день он почти не ходил, усталость — и умственная, и физическая — давала о себе знать. Откинувшись на край бадьи, он почти провалился в сон, лишь изредка зачерпывая ладонью воду и ополаскивая шею, а когда вода остывала, подливал немного горячей из кувшина.

Прошло немало времени, за окном совсем стемнело. Опасаясь, что Шэнь Хуайчжи может войти и застать его врасплох, Линь Юэ потянулся за полотенцем, вытер волосы и заколол их шпилькой. Он только начал вытирать руки, как дверь распахнулась и вошел Шэнь Хуайчжи.

—

<http://bllate.org/book/17206/1612564>